

Дмитрий Костенко

Последний мир

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Костенко

Последний мир

«Автор»

2026

Костенко Д. И.

Последний мир / Д. И. Костенко — «Автор», 2026

Гедриел — начальник личной охраны короля, циник и бывший уличный боец. Он думал, что главная проблема его службы — скука. Но открытие портала в другой мир меняет всё. Вторжение начинается внезапно. Столица горит, король падает от клинка чёрного рыцаря, а принцесса, наёмник и старый маг вынуждены бежать через горящий город к единственному выходу. Вот только портал нестабилен, и никто не знает, куда он их приведёт. И что ждёт по ту сторону.

© Костенко Д. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Потеря дома.	10
Глава 2. Неизвестный мир.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дмитрий Костенко

Последний мир

ПРОЛОГ

Гедриел сидел за деревянным столом в большом зале замка, который служил одновременно и столовой. Внутри постоянно горели свечи — несмотря на дневной свет за окнами, солнечного света здесь было недостаточно. Он лишь мягко освещал красные флаги Траена, развевавшиеся на колоннах вдоль стен. Эти знамена напоминали о великом достижении страны — объединении всего континента после трёхсот лет бесконечных войн.

Прошло уже почти двести лет с тех пор, как воцарился мир, и память о страшных сражениях постепенно меркла в народных преданиях. Последним серьёзным испытанием стало восстание виверн — кровожадных существ, чьи нападения грозили разрушить хрупкий покой. В этом бою люди потеряли около ста тысяч воинов, но смогли полностью истребить врага.

Сам континент был в основном равниной, но кое-где поднимались высокие горы, достигающие невообразимой высоты. Ходили легенды, что в их недоступных вершинах живут пегасы, однако никто из смертных не видел их уже тысячелетиями. В недостроенных и заброшенных уголках мира скрывались ужасные существа — огромные жуки-убийцы. Эти кровожадные монстры охотились как на диких зверей, так и на людей. Их мощные клешни разрывали всё на своём пути, а их жёсткий панцирь считался ценнейшим трофеем: за его добычу платили немалую цену. Даже самые искусные алхимики использовали секретные железы этих жуков для создания мощных лекарств и магических зелий. С каждым годом их численность неуклонно уменьшалась — охота, вызванная жадностью и страхом, стирала их с лица земли. Но даже в их исчезновении таилась опасность — ведь именно эти создания были редким и ценным ресурсом, способным принести богатство и силу тем, кто смог их добыть.

Когда Гедриел допил своё вино, которое полагалось ему при каждом приёме пищи, по телу разлилось приятное тепло. Эти условия он сам выработал, когда король решил принять его в качестве начальника личной охраны — после того, как на турнире наблюдал за тем, как этот бородатый наёмник одолел лучшего рыцаря империи. В турнирных боях он участвовал ради главного приза — мешочка звонких монет. Он ценил деньги превыше всего, и потому согласился без промедления.

Во-первых, его ждали неплохое жалование и возможность не работать задаром. Во-вторых, в таверне его всегда кормили и поили бесплатно — казалось, таких привилегий не заслуживали даже знатные дворяне. В-третьих, короля охранять было проще — все враги уже повержены или быстро устрашены. Те, кто пытались собрать силу для свержения власти, быстро исчезали — ловко и незаметно, благодаря агентам королевства.

Гедриел — скорее наёмник, чем рыцарь. Он не придерживался кодекса чести — его главный девиз всегда звучал: «Победить любой ценой и остаться в живых». В его жизни не было места благородству и милосердию, кроме тех редких моментов, когда вдруг просыпались чувства справедливости.

В тридцать лет он выглядел моложе своего возраста — высокий, хорошо сложенный, с черными волосами, привычно завязанными в конский хвост. Самая заметная черта его образа — глаза-хамелеоны. В зависимости от настроения или освещения, их цвет мог меняться, отражая внутренние перемены и тайные мысли человека, смотревшего в них. Допив вино, Гедриел задумался, чем бы заняться сегодня. За окном светило яркое солнце — такое же, как и вчера. Служба превращалась в рутину: ничего не происходило, не требовалось ни подвигов,

ни напряжения. Кажется, теперь ему оставалось лишь самому придумывать себе развлечения — иначе день казался безжизненным.

Его раздумья прервало появление Армароса — главного волшебника королевства. Несмотря на свои сто три года, он выглядел значительно моложе своих лет — магия и эликсиры омолаживали его тело, так что на вид ему было не больше пятидесяти. Но он неизменно повторял, что седина и длинная борода — настоящая гордость мага. Высокий и худой, он казался больше ученым, чем опасным чародеем. Армарос был настоящим «книжным червём»: мог забыть о сне и пище, если находил в запylённых страницах древний и ранее неизученный манускрипт по магии.

— Король срочно вызывает. По дороге всё расскажу, вставай и пойдем, — лениво протянул Армарос, зашвыривая на стол свой посох.

Гедриел мельком взглянул на старика, не надеясь на приятный разговор, и решил молчать — лучше не провоцировать очередное ворчание. Он вздохнул, поднялся и неохотно зашагал следом.

— Ты, наверное, и не догадываешься, — начал маг, не давая передохнуть, — месяц назад я создал портал. Не просто какой-то портал, который перепрыгивает внутри материка, а настоящий проход в другой мир!

Гедриел скрыл зевок за рукой и пробурчал:

— Можешь быстрее? Не хотелось бы целый день слушать твою фантастическую сказочку, чтобы потом ходить кругами за ней.

Армарос презрительно фыркнул.

— Уважать старших тебе явно не дано. Ну да ладно. Портал не только связывает нас с тем миром, но я уже связался с волшебниками их королевства. И, — понизив голос, — получил я, то есть я, возможность встретиться с их королевой. Истории этого мира Они поистине захватывающие.

Гедриел мысленно проклял себя за то, что слушает эту болтовню, но где-то в глубине чувствовал, что за этими разговорами стоит нечто куда более серьёзное.

— Ближе к делу уже, — буркнул Гедриел, чувствуя, как терпение начинает иссякать от бесконечного монолога.

— Ладно, — с легкой раздражённой улыбкой ответил Армарос, — королева из того мира пригласила нас в гости. Обмен опытом, укрепление связей, возможный союз. Ты нужен для сопровождения короля в этой поездке.

Гедриел хмыкнул и, не скрывая холода в голосе, сказал:

— Не проще было отправить гонца, без лишних телохранителей и суеты?

— Ты серьёзно? — маг завернул глаза. — Если бы всё было так просто, мы бы и не стояли здесь. Король лично хочет быть там. И никакие «упрощения» здесь не помогут.

Они переступили порог тронного зала, где всё начало принимать совсем иной оборот. Зал был поистине грандиозен: высокие золотые колонны тянулись к потолку, где витражи пропускали мягкий дневной свет, наполняя пространство теплым сиянием. Свет, отражаясь от золотых колонн, наполнял зал, и солнечные лучи танцевали на их сверкающей поверхности, делая дополнительное освещение ненужным. Полы из блестящего мрамора покрывала роскошная красная ковровая дорожка, по бокам которой золотыми нитями вышиты изысканные узоры — символы королевской власти и древних легенд.

В самом сердце зала на величественном троне восседал король Троглок. В свои сорок шесть лет он выглядел как воплощение силы и мудрости: густые русые волосы и ухоженная борода придавали ему благородный вид, а его синие глаза искрились живым огнем решимости. Его осанка, уверенная и стройная, внушала уважение и поднимала настроение всем, кто вступал в зал. По обе стороны трона стояли два рыцаря в сверкающих серебряных доспехах, их

облики излучали холодную строгость и незыблемую преданность — они были живыми стражами королевства, готовыми защитить хозяина в любую минуту.

В воздухе витал легкий аромат благовоний и древесного дыма, создавая ауру величия и таинственности. Легкий шелест тканей и тихий перезвон металла дополняли атмосферу, подчеркивая важность момента. Каждый, кто входил сюда, ощущал, что находится в самом сердце власти и истории.

— Ваше величество! — одновременно поклонились Гедриел и Армарос, чувствуя всю важность момента.

Король, почесывая задумчиво бороду, посмотрел на них с легким одобрением.

— Наконец-то вы здесь, Армарос. Надеюсь, ты уже ввёл Гедриеля в курс дела? — спросил он, глядя прямо в глаза Гедриелю.

— Да, милорд, — кивнул маг с чуть заметной гордостью.

— Отлично. Тогда не будем терять время, — твердо сказал Троглок. — Гедриел, выдвигаемся завтра днём. Проверь лично, чтобы у твоего отряда снаряжение было в порядке. По мне, вы уж совсем расслабились, раз считаете, что никаких опасностей нет.

Наёмник с легким вызовом в голосе, ответил:

— Милорд, берусь за это немедленно. Ваш отряд не подведёт.

Дверь в зал внезапно распахнулась, и звонкий голосок принцессы прервал разговор.

— Отец, возьмите и меня с собой! — с робкой, но настойчивой интонацией произнесла Виктория, единственная дочь короля. — Ведь это так увлекательно!

Ей было двадцать и, несмотря на миниатюрный рост, она обладала царственной грацией. Длинные светлые волосы, унаследованные от матери, нежно обрамляли лицо, а ярко-синие глаза, словно зеркала души, напоминали, о её отце. Мать Виктории ушла из жизни, когда девочке едва исполнился год, и с тех пор сердце короля было полностью занято единственным ребёнком. Достойных претендентов на её руку он либо ещё не встречал, либо просто не желал никого видеть, ведь любовь к дочери была для него превыше всего.

— Виктория, мы уже это обсуждали, — мягко, но твёрдо ответил король, улыбаясь с нежностью. — Ты останешься в империи и будешь присматривать за всеми отсюда.

Принцесса не собиралась сдаваться:

— Ты никогда не позволяешь мне делать то, что я хочу... Как же тогда я смогу стать такой же мудрой и опытной, как ты? — её глаза искрились вызовом.

Король рассмеялся, тепло и искренне, и, подавая знак Гедриелю и Армаросу, дал понять, что их присутствие больше не требуется. Когда они выходили из зала, за спинами слышались слова утешения, с которыми король обращался к дочери.

Выйдя в коридор, Гедриел и Армарос разошлись по своим делам — наёмнику предстояло собрать и подготовить отряд к завтрашнему путешествию.

Коридор был огромен, и по полу также тянулась та же глубокая красная ковровая дорожка. Свет, проникавший через высокие окна, наполнял пространство мягким сиянием, так что даже ночью при свете луны здесь было достаточно освещения. Тем не менее, факелы горели круглосуточно, добавляя тепла и уюта этим древним каменным стенам.

— Эх, однажды короля погубит такая доброта, — пробормотал Гедриел про себя, поворачивая голову в сторону развевающегося флага. — Любят же здесь всё красное... — произнёс он с едва уловимой ноткой иронии.

Выходя из замка, он предстал перед взором необъятной столицы — города Адебель, сияющего в утреннем свете. Город поражал своей размахом: изящные башни тянулись в небо, улицы кипели, полно людей и суеты. Но вместе с тем, приглядевшись, Гедриел ощущал холодную тень — ночная жизнь Адебеля становилась всё более опасной. Преступность росла, и городская стража, казалось, уже не могла с этим справиться.

Миновав ворота, он шагнул вглубь города и направился в казарму — важную точку любой военной подготовки. Его путь лежал через рынок, который в это время дня был настоящим гулким океаном людского шума. Здесь не было места тихой жизни: на прилавках продавались всё — от специй и тканей до слухов, заговорах и заказных убийствах.

Гедриел отлично знал всю эту подноготную, ведь вырос на улице, учился выживать среди банд, пока его не подобрала его будущие сослуживцы. Его родители умерли давно: мать — от болезни, когда ему почти исполнилось двадцать, отец — в бою, когда ему было пятнадцать. Он всегда воплощал в себе двойственность: со стороны — холодный воин, готовый к кровавой битве; внутри — тёмные воспоминания и гнев, что за этим гордое и даже слегка отчуждённое лицо скрывать трудно. Он промедлил возле прилавков, ощущая запах специй, острый и пряный, перемешанный с запахом бедных, протянутых рукавов и просьб о милостыне.

Ненавидеть толпы — его привычка. Он предпочитал обходить их стороной, избегая шума и суеты, из-за которых начинал раздражаться. Но сегодня ветер подул более решительно, и, несмотря на желание уйти, он шагнул вперёд. Грязь под ногами хлопала, от криков на рынке к нему донесли больше, чем он хотел: голоса множества людей, шум, крики, недовольство и мольбы.

Выйдя за пределы рынка, Гедриел задержал дыхание и вдохнул свежий воздух. Он густо насыщен ароматами ночных трав и дождя, обещающего новые испытания. Впереди уже маячила казарма — массивное здание высотой в три этажа, увешанное знаменами. Над входом развевался герб: орёл со скрещенными мечами — символ королевства.

Войдя внутрь, помещение кардинально отличалось от внешнего вида. Тут всё было просторным, на стенах — ковры насыщенного синего цвета, которые отбивали ярость красных интерьеров, раздражавших Гедриела своей яркостью. В центре — огромная люстра, с множеством свечей, мягко освещающих всё пространство, создавая ощущение уюта и торжественности.

Справа — пропускной пункт: за дверями постоянно дежурили два рыцаря, безмолвные стражи порядка, словно воплощение строгой дисциплины. У ворот его встретил адъютант Халген — человек, которому можно было доверять, единственный, кто добросовестно выполнял свои обязанности.

Гедриел вкратце объяснил ему задачу и приказал собрать и ввести в курс дела весь отряд. Халген кивнул с нескрываемым воодушевлением — ведь он был рад любому поручению, особенно важному.

Когда всё было готово, Гедриел исчез в своей комнате. Охрана короля и предстоящая миссия — всё это будоражило его. С одной стороны, он был рад внесению изменений в размерную рутину; с другой — так хотелось оставить всё по привычке, как было.

Прошло три часа, и вдруг в дверь раздался настойчивый стук.

— Господин, это Халген, разрешите войти? — раздался голос, бодрый и немного взволнованный.

— Заходи, — сухо ответил Гедриел, не скрывая усталости.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел адъютант — красный как рак, взъерошенный, с прядками пота на лбу. Глаза его блестели от напряжения, дыхание было тяжелым, словно он пробежал весь королевский сад.

— Халген! — воскликнул Гедриел, заметив состояние подчиненного. — Чего ты такой запыхавшийся?

— Господин, я всех оповестил, всех предупредил — он запыхался еще сильнее, пытаюсь восстановить дыхание. — Завтра утром, все будут в тронном зале, готовы к миссии. Я лично доложил каждому, — добавил он, с гордостью в голосе.

Гедриел взял паузу, взглянул на адъютанта, обдумывая слова. Он понимал, что в этом юном рекруте горит искра рвения, но слишком много волнений — спокойно.

– Хорошо, Халген, я ценю твою инициативу, — произнес он спокойно и одобрительно. — Ты молодец. Но не переусердствуй. Теперь иди, отдыхай — завтра будет сложный день.

Миг затих, и вдруг, с небольшой натянутой ноткой, Халген зажмурился на мгновение, затем, собрав весь свой энтузиазм, поднял руку в жесте обещания:

– Могу я пойти с вами? — мягко попросил он, глаза горели надеждой. — Я так хочу увидеть тот мир, который нам предстоит исследовать

Гедриел вздохнул. Он знал, что молодой солдат полон идей и мечтаний, что сердце его бьется особенно сильно перед первым боевым выездом. Но он не мог забыть о важности заботы о близких Халгена.

– Халген, я очень ценю тебя и твой пыл — он чуть улыбнулся, но голос все равно оставался строг. — Но должен сказать "нет". Во-первых, твоя мама слишком стара и осталась одна. Ты — её единственная опора. Во-вторых, мы точно не знаем, что там нас ждет. Много может пойти не так, и я не хочу, чтобы ты рисковал своей жизнью без особой необходимости.

Гедриел добавил, чуть помягчев:

– Мы все ценим каждого солдата, и я переживаю за каждого. Поверь, лучше дождаться других поручений, а пока — сосредоточься на подготовке и семье.

Халген чуть поник, но вскользь кивнул. В его глазах еще горел огонек мечтаний, но он понимал — начальник прав.

В комнате осталась тишина, только слегка слышен шум ветра за окнами, напоминая о суровой реальности будущего приключения.

– Я понял, простите. — Тихо произнес адъютант, съеживаясь под взглядом Гедриела. Он повернул к двери, медленно открыл ее и тихо закрыл за собой, чувствуя на себе тяжелое внимание хозяина.

Гедриел остался один, размышляя о недавнем разговоре. Он понимал, что был достаточно резким — иногда нужно жестко ставить границы, особенно когда речь идет о жизни солдата и его семьи. Он чуть сжал губы, понимая: лучше так, чем позже объясняться с матерью Халгена, объяснять, почему её единственный сын сейчас лежит в земле.

Снаружи сгушалась вечерняя тишина, с каждым мгновением становилась все более насыщенной. Время к вечеру уже близилось к закрытию, и аппетит — словно кто-то вырвал его из живота — полностью исчез.

– Раз уж пришло время заботиться о себе, — пробормотал Гедриел, глубоко вздохнув, — то пусть оно и пройдет с пользой.

Глава 1. Потеря дома.

Гедриел проснулся от резкого толчка — такого сильного, будто кто-то рядом дернул его за плечо. В пробуждении он услышал за стенами вопли людей, крики и звон мечей — звуки, полные хаоса и борьбы. Выглянув в окно, он застыл — весь город охвачен ярким пламенем, клубами дыма, поднимающимися в небо. Как он раньше мог не услышать этого ожесточенного урагана звуков? Где был Халген, когда так неотложно требовалась его помощь? С неотступной быстротой Гедриел натянул кожаную броню и накинул на плечи темный плащ. Он не питал страсти к тяжелым доспехам — в его мире важна была скорость и ловкость, ведь именно они помогли ему выходить сухим из любой передраги. Его точность и техника уже неоднократно приносили победу там, где сила и грубая мощь не могли.

Выбежав из комнаты, Гедриел рванулся вниз по лестнице, стараясь сохранить спокойствие и ясность мысли. На удивление, казарма, несмотря на все тревоги и постоянную угрозу, осталась невредимой — стена, казалось, защищала ее не только от врагов, но и от хаоса за пределами. Пока он спускался, его разум метался, перебирая в уме возможные причины этого внезапного нападения. Кто мог посметь прорваться в их укрепления? Вся земля под контролем Траены, и единственные возможные враги — мятежники или сторонники хаоса, разбегающиеся по всему континенту. Или, может, это нечто более зловещее — новая волна бешеных чудищ, не поддающихся логике и разуму. Эти мысли прервал настойчивый гул криков, доносившихся из-за двери, который становился все громче и тревожнее. В этом хаосе не было видно ни дежурных рыцарей, ни других защитников — словно все вымерли, оставив его один на один с нарастающей угрозой. Что-то не так, и чувство опасности усиливалось с каждой минутой.

Оказавшись на улице, Гедриел остановился напротив кровавых сцен. Перед его глазами лежали два тела — те самые рыцари, что служили щитом и опорой для казармы. Их доспехи были изрублены и смяты. Их тела были покрыты ранами, плоть была изодрана, и кровь сочилась из ран, словно невидимый зверь безжалостно терзал их. Но что поразило до глубины души — это наличие глубоких укусов, будто чудовищные пасти вцепились в них в последнюю отчаянную минуту борьбы. В этом кровавом гримасе он почувствовал, что враги здесь не только вооружены, они — носители тьмы, которая вцепилась в их тела, оставляя за собой след ужаса и разрушения.

Его размышления были внезапно прерваны пронзительным женским криком. Женщина, в панике и отчаянии, мчалась прямо на него — ее силуэт пробивался сквозь клубы дыма и подрагивающие тени, что рассеивались перед ней. За ней неслись двое — фигуры, которые казались скорее ящерицами, чем людьми. Их тела — покрытые черной, как смоль, чешуей — мерцали при каждом движении, а костлявые конечности работали как у хищных рептилий. Но что больше всего пугало, — это доспехи этих тварей: они были черными, словно вырезанными из ночи, покрыты кровью, которая сливалась с их чешуей, заставляя казаться, что все их тело пылает черным огнем.

Женщина кричала, срывая голос, и бежала отчаянно, едва оставляя за собой полтора десятка метров. В ту же секунду, ясно и резко, в его голове словно прорезался свет — он понял, что у этих чудовищ нет смысла терпеть. Мигом, с инстинктивным решением, Гедриел моргнул, и в тот же момент исчез из вида бегущей женщины. На короткий миг казалось, что он растворился в дыму, словно тень, — а затем, спустя несколько секунд, она услышала два жестоких звука: падение тел, один — с громким отрывом, другой — с тяжелым лязганьем.

Она обернулась, дрожа всем телом, и вдруг увидела — один из ящеров, обезглавленный, вытянулся безжизненно на земле. Его кровь, бурого оттенка, стекала по каменному полу, но в отличие от обычной, она блестела холодным синим светом. Второе тело — того же монстра — было разрублено пополам: два кусочка брошены на землю, словно его кто-то безжалостно

сразил мечом. И в тот момент, когда кровь струилась с его левой половины, взгляд зацепился за его оружие — меч, который был далеко не стандартным для рыцарей: односторонняя заточка, острый как бритва, и будто пропитанный холодом.

Кровь, насыщенная синеватым сиянием, капала с острия меча, когда Гедриел повернулся лицом к женщине. Его взгляд был твердым и сосредоточенным, а тело — напряжено, готовое к новым схваткам. В его руке сиял этот необычный клинок, дерзкий и смертоносный, словно он сам был частью этой битвы за выживание, — и он был готов продолжать бой в любой момент.

— С вами всё в порядке? — спросил Гедриел, внимательно разглядывая окрестности и поочередно поглядывая на поверженных врагов. Ящерицы были слишком слабы: он заметил это ещё с первых мгновений схватки, — их оружие и движения выдавали их слабость. Не было в них той опасности, которая могла бы остановить его, если бы пришлось вступить в новую битву.

Женщина, тяжело задыхаясь, на чуть заметных ногах пошатнулась — она казалась почти на пределе своих сил. Ее голос был слабым, словно шепот, сквозь бушевавшую паническую дрожь:

— С... с... спасибо вам... — вымолвила она, едва сдерживая слёзы, — я думала, что сейчас конец

Его уже не волновала женщина. Весь его разум был сосредоточен на необходимости добраться до короля. Вокруг слышались глухие удары и визги боя, эхом отражающиеся от каменных стен — это была битва, которая, казалось, уже охватила весь замок и окрестности. Но кто сражается? Кто эти враги, которых он раньше не видел? Этот вопрос почти не тревожил его — вероятнее всего, враги пришли извне, из другого мира, о котором рассказывал тот старик, — безумный волшебник, чье слово зачастую звучало как бред.

Тем не менее, Гедриел не мог понять, почему он не упоминал про ящериц? Внезапно его размышления прервал пронзительный, оглушительный рев, раздававшийся, словно гром над вершинами гор. Он поднял взгляд вверх — и увидел нечто такое невероятное, что на мгновение потерял дар речи. В небе парил гигантский червь — крупнейшее существо, чье тело было покрыто шкурой, мерцавшей в свете луны, а на его конце — крылья, невероятной формы, легко расправлявшиеся под порывами ветра. Он летел!

И это было уже за гранью всяких сказок и легенд. Гедриел не слышал о подобных существах даже в древних преданиях, но увидеть это воочию, ему было сложно поверить своим глазам. Червь не просто парил в воздухе — в мгновение ока на солдат обрушился шквал ужаса и зловещей силы. Из его мощных челюстей вырвался зловещий поток — огромный, жгучий плевок, насыщенный густой массой темной, словно кровь, слизистой субстанции. Эта масса сверкала холодным блеском в свете, словно она дралась за каждую каплю жизни. Величественный прилив яда и мерзости снес все на своем пути: камни, деревья, даже металлические фигуры — всё мгновенно превращалось в вязкую, липкую жидкую массу, которая медленно растекалась, оставляя за собой мутный след разрушения и безнадежности.

«Этот червь слишком опасен. Лучше не привлекать к себе внимания», — подумал он.

Наёмник понимал, что самое быстрое и в то же время самое рискованное решение — пройти через этот хаос. Это был единственный доступный маршрут, и он покрыт пламенем, словно пылающий монумент к разрушению. Город горел практически полностью: пламя ярко и неукротимо охватывало улицы, создавая опасную карусель огня и дыма. Но у него не было другого выбора — нужно было идти сквозь пылающий кошмар, чтобы остаться в живых.

— Единственный светлый момент в этой безнадежной ситуации — тут, наконец, исчезла всякая грязь, — ухмыльнулся про себя Гедриел.

Чем ближе он приближался к покоям короля, тем отчетливее доносились звуки битвы. Выйдя из рынка, он увидел сцену, раскрывшуюся на площади: рыцари и людоящеры яростно сражались друг с другом. Он прозвал их так за их странное внешнее сходство с рептили-

ями. Смотреть было некогда — первостепенной задачей было спасти короля и принцессу. Всё остальное отступало на второй план.

Справа внезапно раздался крик, и Гедриел увидел, как навстречу ему стремительно бежит громадный ящер. Он был выше двух человек ростом, с мощной шеей и звериными глазами, полными ярости. В руках у него была ржавяющая алебарда, зазубренная и покрытая кровью — следы недавней схватки. Ящер поднял оружие, и его замах был уже готов к удару.

Гедриел ловко уклонился в сторону, почувствовав, как алебарда рассекает воздух. Такой мощный удар способен раздавить его словно куклу, и уклоняться так постоянно — задача нелёгкая: это требует колоссальной выносливости и концентрации. Но другого выхода не было: человек и зверь продолжали гнаться за победой, и в этой схватке каждый момент мог стать последним.

— Он огромен, но по скорости явно уступает — нужно поймать подходящий момент, — подумал Гедриел про себя.

Следующий удар не заставил себя ждать: ящер прошёлся близко у его ноги. Несмотря на свою медлительность, зверь явно знал, как сражаться, целясь туда, где можно замедлить противника. Гедриел попытался перейти в контратаку, но огромный зверь перехватил его удар хвостом. Тело Гедриела смело пронеслось метров пять.

— Еще такой удар, и мне переломает все кости — нужно перестать торопиться, — прошептал он, сплюнув кровью. В спешке каждая ошибка может стоить жизни. В следующий выпад твари Гедриел ушел вниз, нырнув ящеру прямо под брюхо. Алебарда с воем рассекла воздух там, где мгновением раньше была его голова, — удар вышел столь тесным, что едва не срезал кожу со скулы. Но риск того стоил. Скользя под чешуйчатым телом, Гедриел коротко, почти небрежно, полоснул клинком по бугристым сухожилиям задних лап. Звук лопнувшей плоти потонул в оглушительном реве. Чудовище рухнуло на колени, сотрясая брусчатку так, что дрожь отдалась в зубах. В этом рыке сплелись боль и бешенство — раненый гигант, навалившись грудью на древко алебарды, рвал землю когтями, силясь подняться, но ноги предательски не слушались.

Гедриел понял: сейчас или никогда. Одним слитным, хищным движением он вогнал меч в основание шеи ящера. Лезвие ушло глубоко, туда, где билась горячая, полная ярости жизнь. Тварь захрипела, выгнулась в последней судороге, и, надавив всем весом, Гедриел завершил начатое. Голова чудовища с глухим, влажным стуком покатила по камням.

Обернувшись, он замер, переводя дыхание. Площадь перед ним была устлана телами гвардейцев — панцири смяты, знамена втоптаны в кровавую грязь. И только тут до него дошло осознание: он первый, кому удалось уложить эту бронированную смерть. Тишина, повисшая на миг, вновь наполнилась лязгом и криками где-то за стенами — битва и не думала затихать.

Некогда было праздновать. Сжав зубы, Гедриел рванул к покоям Троглок. Надежда, тонкая, как лезвие кинжала, еще теплилась: вдруг старый маг жив и принцесса рядом с ним?

У самых дверей он застыл, увидев фигуру в черном плаще. Неизвестный двигался в вихре ящеров с пугающей, почти танцевальной грацией. Гедриел прищурился. Он знал этот рисунок боя — каждый уклон, каждый разворот корпуса. Это была его школа, та, что вбивали в него наставники с детства. Но было и отличие, от которого захолонуло сердце: незнакомец владел магией — искусством, почти невысказанным для простого воина.

Черный плащ легко парировал выпад первого людоящера и в ответном взмахе снес ему голову. Сзади уже набегал второй. Не оборачиваясь, незнакомец вскинул свободную руку, и с пальцев сорвалась ослепительная молния. Разряд ударил в грудь твари с сухим треском. Ящер обуглился на бегу, рухнул замертво, даже не успев издать крик.

— Эй! Кто ты такой?! — голос Гедриела вспорол тишину, точно клинок гнилую ткань.

Фигура в чёрном плаще обернулась. Мгновение — и незнакомец метнулся прочь, в спасительную трубу темноты, будто его и не было вовсе.

– Проклятье! — выдохнул Гедриел сквозь зубы.

Времени на погоню ему не оставили. Грохот битвы, что ещё недавно сотрясал стены, начал стихать, рассыпаясь на отдельные очаги. Слишком быстро. Слишком тихо для победы. В груди заворочалось холодное, липкое понимание: они проигрывают. Оставался лишь вопрос — на всю империю обрушилась эта напасть, или удар приняла только столица? Если второе — призрачный шанс отбить город ещё теплился. Эта мысль, тонкая, как волос над пропастью, заставила его двигаться дальше.

Он пересёк площадь — огромную, устланную телами. Сапоги скользили по крови, смешавшейся с пылью в грязную кашу. Глаза наёмника, привыкшие к смерти, машинально выхватывали детали: цвет плащей, гербы на доспехах. Слишком много знакомых. Почти все — из его отряда.

У края этого поля павших лежал человек. Меч, вошедший глубоко в грудь, торчал над телом, точно надгробный камень. Силуэт показался до жути знакомым, и Гедриел, ускорив шаг, почти рухнул рядом, переворачивая тело. Лицо Халгена, искажённое предсмертным ужасом, смотрело в небо остановившимися глазами. Гедриел ничего не сказал. Сжав челюсти, он вытащил клинок из груди старого товарища и, склонившись, провёл пальцами по его векам, закрывая их навсегда. Это всё, что он мог дать ему сейчас — покой.

Оставив позади смерть, он толкнул тяжёлые двери замка. Внутри смерть тоже пировала — гвардейцы вперемешку с ящерами, точно две армии, заключившие друг друга в последние, смертельные объятия. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, он заметил перемену: здесь людоящеры лежали не от мечей. Их туши дымились, чешуя обуглилась и потрескалась, а воздух был пропитан едким запахом палёной плоти и озона.

«А старый маразматик умеет сражаться», — мелькнуло в голове, и Гедриел невольно хмыкнул, произнеся это вслух.

– Снова никакого уважения к старшим, — раздался сверху знакомый, полный желчи голос. — Но, наконец-то, ты явился.

На ступенях, опираясь на посох, стоял Армарос. Мантия его была опалена, но взгляд — всё так же остёр и неприязнен.

– Сейчас нет времени на твои претензии, — резко оборвал его Гедриел, поднимаясь. — Что с королём и принцессой?

— Не переживай, они в покоях, — голос Армароса прозвучал глухо, без привычной язвительности. — Мы решили уходить через портал и звать подмогу. Я пытался связаться с другими магами королевства. Бесполезно.

Старик на миг замолчал, и пламя свечей отразилось в его выцветших глазах.

— Такие нападения сейчас по всей империи. Нам нужна помощь. И желательно — как можно скорее.

Гедриел не ответил. Да и что тут скажешь? По лицу мага, обычно надменному и непроницаемому, сейчас было видно то, чего наёмник не ожидал увидеть — искреннюю, глубокую тревогу. Не за себя. За всех. И это пугало сильнее любых криков с площади.

Он поднялся по ступеням, и тяжёлая тишина повисла между ними, пока маг вёл его в покои короля. Гедриел понимал правду, которую никто не произносил вслух: противник оказался куда сильнее, чем они могли предположить. Наивность короля, его вера в парады и золочёные доспехи — всё это сыграло с ними злую шутку. Солдаты, набранные для красоты, оказались неспособны сражаться с армией, пришедшей убивать по-настоящему.

Дверь отворилась, и Гедриел шагнул внутрь.

Комната короля тонула в море свечей. Они горели повсюду — на столах, на подоконниках, в массивных канделябрах вдоль стен — разгоня малейший намёк на тень. Справа, у стены, стоял дубовый стол для работы с документами, заваленный картами и свитками. Под ногами мягко пружинил ковёр из густого, серебристо-бурого меха — шкура клыкастого мед-

ведя. Гедриел невольно задержал на ней взгляд. Он знал, что король годами охотился на этого зверя и лишь однажды сумел встретить его лицом к лицу. Теперь эти чудовища считались полностью истреблёнными. Их клыки ценились дороже золота, а мех, как говорили, согревал даже в лютую стужу. Последний реликт ушедшей эпохи, брошенный под ноги монарху.

Король стоял посреди комнаты в сверкающих доспехах, покрытых золотой насечкой, — парадных, будто собравшихся на турнир, а не на смертный бой. Рядом с ним, сжав руки в замок, застыла принцесса. Чёрный бурнус окутывал её фигуру, а золотые нити вышивки мерцали в пламени свечей, словно осенняя паутина на ветру. По лицу девушки, бледному и осунувшемуся, было видно: страх поселился в ней прочно. И лицо короля не внушало надежды — он выглядел не как правитель, готовый отдать приказ к контратаке, а как человек, впервые осознавший, что власть не защищает от острия стали.

Тишину разорвал голос Гедриела — резкий, как удар хлыста. Времени на церемонии не осталось:

— У нас нет времени. Эти твари могут быть здесь в любую минуту.

— Армарос, куда нам идти? — голос Гедриела прозвучал резче, чем он сам того хотел. — Только не говори, что в твою башню. Туда пятнадцать минут пешком. За это время нас разорвут на куски. Та летающая тварь никуда не исчезла, а её плевки растворяют всё, к чему прикасаются.

Наёмник говорил быстро, отрывисто, и в каждом слове сквозило раздражение. Прежняя жизнь — пусть и недолгая, но хотя бы понятная — покатила к чёрту. Теперь оставалось только одно: остаться в живых. И спасти короля. Не из верности короне — из благодарности. За те несколько беззаботных лет, которые ему позволили прожить. Долг есть долг, даже если платить приходится кровью.

— Нам придётся идти именно в башню, — ответил Армарос, и в его голосе тоже не было радости. — Там всё откалибровано и настроено. Если переносить портал сюда — настройка займёт сутки. В лучшем случае. И это при условии, что нас не будут пытаться сожрать эти ящерицы. А иначе портал разорвёт нас на куски быстрее, чем они.

Волшебник бросил короткий взгляд в сторону окна. Ему не хотелось выходить на улицу. Он уже видел, что творят твари в городе. И сколько их там.

Гедриел на мгновение задумался, перебирая в уме варианты. И вдруг — холодная, трезвая мысль:

— Конюшня не тронута. Можно пройти это расстояние верхом. Пять минут — от силы. Это лучше, чем сидеть здесь и ждать, когда нас прикончат.

Армарос медленно перевёл взгляд на наёмника. В глазах старика мелькнуло что-то похожее на неохотное одобрение. Крыть было нечем.

— Лошади, значит, — проворчал он, подбирая посох. — Что ж, хоть что-то ты предложил дельное за сегодня.

В разговор неожиданно вступил король. Голос его прозвучал тяжело и властно, без тени прежних колебаний. Он видел, как напугана дочь, как дрожат её побелевшие пальцы, сжимающие край бурнуса, — и это зрелище словно выковало из него нового человека. Таким его не видел никто: ни Гедриел, ни Армарос. Жёстким. Решительным. Готовым драться.

План был принят молча. Не потому, что он нравился, — других просто не осталось. Ни у наёмника, ни у мага не нашлось возражений, и это безмолвное согласие было красноречивее любых слов.

Они двинулись к выходу. Сделали всего несколько шагов, когда окно взорвалось.

Звук ударил по ушам прежде, чем осколки разлетелись по комнате. Все четверо инстинктивно рухнули на пол, закрывая лица руками. Стекланный дождь осыпался на спины, на ковёр, на стол — колючий, беспощадный. Дым заполнил покои, и в его серых клубах, медленно оседающих к полу, проступила фигура.

В окно, паря над землёй, вплыл рыцарь.

Он был ростом под два метра, закованный в чёрные доспехи, и воздух вокруг него дрожал и плыл, как над раскалённым горном. Броня излучала жар — такой силы, что кожей чувствовалось это тепло даже на расстоянии. Шлем венчали два рога, но один был обрублен, оставляя ощущение незавершённой, жестокой симметрии. А сквозь узкую прорезь для глаз бушевало пламя. Живое, голодное.

Аура этого существа давила на грудь. От него исходила мощь — древняя, нечеловеческая, такая, от которой ломался паркет под ногами, стоило ему лишь коснуться пола. Из дыхательных прорезей шлема вырывались облачка пара, и невольно в голову закралась мысль, от которой холодело внутри: он словно вышел из легенд Траены. Из тех самых сказок о воителях, что стирали миры и королевства, чтобы построить на их костях новые. Они несли цивилизации развитие, заставляли её крепнуть — а затем пожирали, если та не могла дать отпор. Ведь если на добычу никто не охотится, она становится слабой. Неуклюжей. Готовой к забой.

Гедриел знал эти легенды. Когда-то считал их просто страшилками для детей. Но сейчас перед ним стояло ничто иное как доказательство.

В одной руке чёрный рыцарь держал огромный двуручный меч. Лезвие было покрыто мелкими шипами, и держал он его так, словно это была не тяжеленная полоса стали, а тростинка.

Наёмник рванул первым, не раздумывая.

Он сделал быстрый рывок в сторону противника и нанёс удар снизу, целя под левую ногу, — грязный, опасный приём, который не раз спасал ему жизнь. Чёрный рыцарь парировал удар с пугающей лёгкостью, отведя клинок, будто тот ничего не весил. И тут же, без замаха, левой рукой ударил в грудь.

Гедриела отбросило, как тряпичную куклу. Он врезался спиной в столик, и тот разлетелся в щепки под его весом. Воздух выбило из лёгких.

Армарос не стал медлить. С пальцев мага сорвался огненный шар — плотный, ревуший, готовый испепелить кого угодно. Чёрный рыцарь даже не обернулся. Он просто отвёл шар рукой в сторону, словно отмахнувшись от назойливой мухи. Сгусток пламени ударился в потолок и взорвался, осыпав комнату дождём искр.

А рыцарь прыгнул.

Его движения были стремительны, как у хищника. В долю секунды он оказался перед магом и занёс меч для удара сверху. Армарос видел, как лезвие взмывает вверх, и понял, что не успеет. Никто не успеет. Он уже был готов умереть — без страха, просто с холодной, обречённой ясностью.

Но удар не достиг цели.

Перед ним, шатаясь, стоял Гедриел. Клинок наёмника блокировал меч чёрного рыцаря, но сил не хватило — шипастое лезвие вошло в плечо. Десяток маленьких шипов разорвали плоть одновременно, и боль пронзила тело с такой силой, что он едва не закричал. Только стиснутые зубы удержали крик внутри. Кровь, горячая и быстрая, потекла по рукаву.

— Бегите, — прохрипел он, не оборачиваясь. — Сейчас!

— Надо же, — голос рыцаря просочился сквозь прорези шлема, низкий и клокочущий, будто раскалённая лава перекатывалась по камням. — Хоть и не полностью, но ты смог остановить мой удар. Редко встречаются миры с такими воинами. Назови своё имя.

Гедриел, прижимая ладонь к израненному плечу, выпрямился насколько мог. Дыхание сбивалось, боль пульсировала в такт сердцу, но голос прозвучал твёрдо:

— Гедриел. И мне тоже хочется узнать имя того, кого я скоро убью.

Чёрный рыцарь засмеялся. Сквозь металл шлема смех звучал глухо, похожий скорее на приглушённый кашель — жуткий, лишённый веселья звук, от которого мурашки пробежали по спине.

— Меня зовут Рейнар. Название нашей расы звучит по-разному, но большинство называет нас одинаково: «Пожиратели». Я капитан в этой армии... — он сделал короткую паузу, и в его голосе мелькнула тень странной, почти человеческой грусти. — И, к сожалению, моих сил здесь будет достаточно.

От слов рыцаря исходил жар. Воздух в покоях стал густым и спёртым, каждый вдох давался с трудом, обжигая лёгкие. Свечи замигали, словно пригибаясь перед незримым давлением.

— Не переживай. Мучиться тебе осталось недолго.

Рейнар резко рванул меч на себя. Десятки шипов одновременно вспороли плоть Гедриела, разрывая мышцы и сухожилия. Наёмник закричал — не сдержался, не смог. Крик вырвался сам, наполняя комнату чистой, незамутнённой болью. И тут же, без паузы, рыцарь нанёс короткий, сокрушительный удар левой рукой в голову. Гедриела подбросило, точно тряпичную куклу, протащило несколько метров по воздуху, и он врезался в каменную стену с такой силой, что из лёгких выбило остатки воздуха. Скатываясь вниз, он оставлял за собой широкий кровавый след — тёмный, липкий, страшный.

Рейнар проводил его взглядом и, потеряв интерес, развернулся к принцессе.

Сбоку полыхнул блик.

Чёрный рыцарь остановил клинок левой рукой — просто сжал лезвие в латной перчатке, даже не обернувшись. Сталь заскрежетала о металл, застыв в миллиметре от наплечника. Это атаковал король.

Старый монарх стоял, сжимая меч обеими руками, и смотрел на врага. Гедриел, еще цепляясь за ускользящее сознание, успел увидеть этот взгляд. Так смотрит не правитель — так смотрит отец. Родитель, готовый бросить вызов кому угодно, хоть целой бездне, если она подошла к его ребёнку. В этом взгляде не было страха, только решимость — та самая, что заставляет человека драться даже тогда, когда победить невозможно.

И король не отступил.

— О-о-о, — протянул Рейнар, и в его голосе послышался металлический, мрачный интерес. — Сам король нападает на меня. Надеюсь, Ваше Высочество не разочарует. Сражаться я буду исключительно в полную силу.

В этот миг в спину рыцаря ударила молния, а следом — огненный шар. Армарос бросил всё, что у него было, без остатка. Разряды впились в чёрную броню, заставив Рейнара пошатнуться, потерять равновесие — всего на секунду, но и этого было достаточно.

Троглок сделал выпад. Колющий, выверенный, отчаянный — клинок метил точно в стык между шлемом и кирасой, в уязвимую щель, где даже легендарная броня должна была уступить. Но рыцарь, даже не глядя, перехватил меч короля, словно тот двигался под водой, и единым слитным движением, без паузы, нанёс ответный удар. Сверкающая сталь рассекла воздух — и голова монарха покатила по ковру из клыкастого медведя. Тело ещё мгновение стояло, а затем рухнуло, заливая благородную шерсть кровью.

Рейнар обернулся к магу и небрежно, словно отмахиваясь от насекомого, отразил мечом остатки его заклинания.

— У тебя знакомое лицо... — задумчиво проговорил он, взглядываясь в Армароса сквозь прорезь пылающего шлема. — Один волшебник, который призвал меня в этот мир, был чем-то похож на тебя. Армарос его звали. Правда, он был куда моложе.

Рыцарь двинулся вперёд, и с каждым его шагом паркет под ногами трещал и прогибался.

— Впрочем, это уже неважно. Я не любил магию, хоть и имел к ней своего рода иммунитет, — добавил он с ноткой пренебрежения, постучав пальцем по нагруднику. — Благодаря одному артефакту из другого мира.

— Что ты несёшь?! — голос Армароса сорвался. — Я впервые тебя вижу!

Волшебник был потрясён — и не только страхом. В его глазах, обычно таких непроницаемых, сейчас плескалась смесь гнева и непонимания. Он не лгал. Но и Рейнар не был похож на того, кто путает лица.

Гедриел, лёжа у стены, слышал этот разговор. Кровь пульсировала в висках. *Не может быть*. Мысль, страшная и липкая, сжала внутренности холодным кулаком. Армарос — предатель? Это объясняло бы всё: точный удар по столице, проломленные стены, внезапность... Но что-то внутри сопротивлялось. Слишком много вопросов. Слишком мало сил думать.

Рядом с ним на коленях сидела принцесса. Девушка оторвала длинный лоскут от своего чёрного бурнуса, оголив плечо, и туго перевязывала его рану. Золотые нити ткани пропитывались кровью. По её лицу, не переставая, текли слёзы. Гедриел видел, как тяжело ей сейчас: отец только что умер у неё на глазах, мир рушился, но она не сдалась. Сцепив зубы, она тянула перевязь, её руки дрожали, но движения оставались точными. Она помогала ему встать, подставляя худенькое плечо, хотя сама едва держалась на ногах.

С такой раной он едва мог двигаться. О том, чтобы сразиться с чудовищем, чья скорость и рефлексывали не соответствовали его огромным пропорциям, не могло быть и речи. Король мёртв. Единственное, что ещё имело смысл — попытаться спасти принцессу. Сам он всё равно не жилец. Кровь сочилась даже сквозь тугую перевязь, и Гедриел чувствовал, как с каждой каплей уходит тепло. Полчаса. Может, чуть больше.

Рейнар уже практически подошёл к магу, когда в его спину врезался мощный сгусток молнии. Не от Армароса. Заклинание было гораздо сильнее, плотнее, сотканное из чистой ярости. Рыцарь споткнулся.

Гедриел повернул голову и увидел его — того самого неизвестного воина, скрывшегося в темноте. Теперь, в свете разгорающегося пожара, его можно было рассмотреть. Огонь, пожиравший опрокинутый стол и стекавший по колоннам, освещал фигуру в кожаной броне. Плащ его был потёрт и изрезан — казалось, он прошёл в нём не один десяток битв. Нижнюю половину лица скрывала плотная маска. На левом глазу белел глубокий шрам, рассекавший бровь и щеку, но сам глаз остался цел. Капюшон был надвинут низко, из-под него выбивались пряди совершенно белых волос.

Незнакомец двигался молниеносно. В мгновение ока он оказался перед рыцарем и нанёс резкий, сокрушительный удар в корпус. Кираса разошлась, как лист пергамента, и из раны вместо крови брызнуло пламя. Живой, ревуший огонь, непохожий ни на что земное.

Рейнар даже не застонал. Будто ему было всё равно, будто боль была для него лишь смутным воспоминанием. Он сделал короткий, почти ленивый замах сверху, а затем обрушил колено в живот противника. Незнакомец в последний миг успел выставить барьер — магию поглощения, искажившую воздух вокруг тела. Удар вышел гораздо слабее, чем должен был, но даже так его отбросило назад. Воин приземлился на одно колено и вскинул взгляд на троих, застывших у стены.

— Бегите! — крикнул он, и голос его прозвучал властно и чуть глухо из-под маски. — Я его задержу!

Уговаривать их не пришлось. Они покинули комнату, и последнее, что каждый из них видел, оборачиваясь, — как незнакомец заслонил собой проход, закрывая путь чёрному рыцарю.

Принцесса поддерживала наёмника под руку. Кровь не останавливалась — тёплая, густая, она пропитывала повязку насквозь и с каждым шагом сочилась всё сильнее, оставляя за ними тёмную дорожку на камнях. Спустившись на первый этаж, Армарос остановил их и молча положил ладонь Гедриелу на грудь. Под пальцами вспыхнуло мягкое, приглушённое свечение — слабый отблеск исцеляющей магии, почти угасшей в этом пропитанном смертью месте.

— Я не могу полноценно использовать магию исцеления, — сказал волшебник, вытирая руки от крови белоснежным платком, который тут же стал алым. — Но хотя бы замедлил твоё сердцебиение. Это даст больше времени и меньше кровопотери.

— Ты думаешь, после этого я забуду, что ты предал нас?! — Гедриел почти не владел собой. Ярость, смешанная с болью и усталостью, рвалась наружу. — Я такого не ожидал от тебя, старик. Ты всегда был со своими причудами, но... никогда не давал усомниться в верности королю.

— Я клянусь, что никого не предавал, — Армарос говорил тихо, но с такой силой в голосе, какой Гедриел не слышал от него уже много лет. — Клянусь своим посохом и титулом волшебника. Но, прошу тебя, давай обсудим это после того, как уберёмся отсюда.

Принцесса молчала. На её бледном, осунувшемся лице застыло выражение тихого, почти безучастного горя. Девушке, кажется, стало всё равно. На её глазах убили отца. Город, в котором она выросла с самого рождения, полыхал огнём, и всё, чего ей сейчас хотелось — уйти из этого ада, лечь спать и проснуться, чтобы это оказалось лишь ужасным кошмаром. Но кошмар не отпускал.

Они вышли из замка. Воздух снаружи был густым от пепла, а небо, даже ночью, отсвечивало багровым заревом пожаров. Конюшни располагались в полусотне метров. У входа висел замок с толстой, в палец толщиной, цепью. Армарос вытянул руку — и металл зашипел, раскалился докрасна, а затем потёк на землю горячими каплями. Маг вывел трёх лошадей — нервных, косящих глазами на огонь, но живых.

В этот миг сверху послышался звон разбитого стекла. Кто-то рухнул прямо к их ногам.

Незнакомец. Изрезанный, залитый кровью с головы до ног, он лежал на брусчатке неестественно вывернувшись. Гедриел, преодолевая боль, присел рядом на одно колено и потянулся к его лицу. Но воин вдруг схватил его за руку — мёртвой, стальной хваткой умирающего.

— Ни в коем случае... — прохрипел он, и голос его булькал кровью, — ...не убивай рыжую чертовку.

Взгляд его остекленел в тот же миг. Рука разжалась. Гедриел застыл, совершенно не понимая, о ком идёт речь и что это за последняя воля. Армарос дёрнул его за плечо, возвращая в реальность, силой усадил на коня и сам взлетел в седло. Сверху, с крыши замка, прямо на камни спрыгнул Рейнар. Чёрный рыцарь, не медля ни секунды, бросился в их сторону.

Все трое пустили коней в галоп, огибая чудовище. Меч Рейнара описал свистящую дугу и едва не отсек круп лошади принцессы — лезвие рассекло воздух в волоске от скакуна. Они мчались по горящему городу, и перед ними разворачивалась картина настоящего конца.

Улицы были усеяны трупами — граждане, солдаты, дети. Ящеров среди мёртвых было разительно мало. Кое-где ещё сражались последние очаги сопротивления, но это было бессмысленно: гвардейцев разрывали на части, кто-то выбегал из огня живым факелом и падал, не в силах больше кричать. Ящеры заметили беглецов и устремились следом, но успокаивало одно — бегали твари куда медленнее лошадей, и оторваться от них не составляло труда.

Они пронеслись мимо горящего, уже частично обрушенного собора Бога Артеса — покровителя мира и сильных. Некогда величайшее архитектурное чудо этого мира, предмет гордости Траены. Двести лет никто не мог построить ничего подобного, и теперь руины его дымились, озаряя улицы зловещим оранжевым светом.

За аркой небо разорвали громкие, пронзительные вопли. Гедриел поднял взгляд и увидел, как грифоны — благородные птицы, гордость королевства, те самые, что помогали предкам покойного короля выигрывать битвы, — сражаются с двумя червеподобными тварями. Огромные, извивающиеся в воздухе монстры издавали низкий гул, и птицы бросались на них с высоты. Снизу было не разобрать, кто побеждает, но спустя минуту грифоны один за другим начали падать. Тяжёлые, истерзанные туши рушились на город с сокрушительной силой, и

всадникам приходилось уворачиваться от падающих тел. Проблем добавляли пожары и людоящеры, которые уже кишели повсюду.

Город пал. Это было слышно — звуков бьющегося железа больше не доносилось. Как и криков раненых. Только треск огня и далёкий, торжествующий вой.

Пока они скакали, Гедриел мучительно размышлял. Можно ли доверять волшебнику? Когда Армарос говорил, что впервые видит Рейнара, его эмоции были настоящими. Наёмник повидал достаточно лжи, чтобы отличить её от правды. Так сыграть старик не смог бы. К тому же он помог замедлить кровотечение... Но откуда тогда капитан знает его имя и лицо?

Раздумья прервал грифон, рухнувший всего в двух метрах от него. Гигантская птица ударилась о брусчатку с тошнотворным хрустом и затихла. До башни оставалось метров пятьдесят.

Они спешили у входа и вбежали внутрь. Армарос, пропуская всех вперёд, обернулся к двери и наложил заклятие — створки окутала полупрозрачная, мерцающая пелена.

Сквозь неё снаружи ещё доносился нарастающий топот.

— Это их хоть немного задержит, — проговорил Армарос, всё ещё пытаясь отдышаться. — Тех, кто захочет сюда войти.

— Даже того капитана? — с укоризной спросил наёмник и, не дожидаясь ответа, двинулся вверх по лестнице.

Состояние его стало заметно хуже: он едва мог стоять на ногах, и Виктория поддерживала его под руку. Принцесса по-прежнему молчала, не вмешиваясь в их перепалку, и от этого молчания Гедриелу становилось только паршивее. Он чувствовал себя последним уродом: вместо того чтобы хоть как-то подбодрить девушку, потерявшую отца и дом, он продолжал грызться с волшебником. Слова утешения вертелись где-то на языке, но так и не находили выхода. Он просто не умел их произносить.

Поднимаясь по закрученной лестнице, он услышал ответ мага — глухой, пропитанный горечью:

— От того монстра — нет. У него есть какой-то артефакт, который блокирует мою магию. Я бессилён.

— Но призвать его сюда ты мог, и ничего тебе не мешало, — снова начал наёмник.

— Я сказал, что не знаю, кто это такой! — взорвался Армарос. В его голосе зазвенела ярость, какой Гедриел не слышал от старика никогда прежде. — Я бы никогда в жизни не предал короля! Я служил ещё его деду!

На мгновение на лестнице повисла тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием обоих. Армарос и впрямь начал службу ещё при Тигольде — суровом, железном короле, который знал, как управлять страной и подчинёнными. Тогда он был лишь начинающим волшебником с огромным потенциалом, но за сорок лет достиг вершины своей карьеры при правлении отца Троглока. Маг всегда гордился своим положением и тем, чего добился. И тем сильнее было его разочарование, когда какого-то оборванца назначили начальником личной стражи короля. Он считал Гедриела недостойным этой должности и никогда не скрывал своей неприязни.

— Перестаньте уже! Пожалуйста!

Виктория внезапно закричала — резко, пронзительно, так, что оба вздрогнули. Она отпустила руку Гедриела и, обессилив, опустилась на ступеньку. Плечи её задрожали, и из глаз хлынули слёзы, которые она так долго сдерживала. Она плакала молча, уткнувшись лицом в ладони, и в этом беззвучном плаче было больше боли, чем в любом крике.

— Простите нас, Ваше Величество, — проговорили они оба почти одновременно, разом забыв о своей вражде.

— Давайте просто уйдём с этого места, — тихо, но твёрдо произнесла принцесса, поднимаясь. — Я не хочу ничего здесь видеть.

Она пошла вверх одна, не оборачиваясь, и в её удаляющихся шагах слышалась такая решимость, какой никто из них раньше в ней не замечал. Армарос молча взял наёмника под

руку. Гедриел не сопротивлялся — он и сам понимал, что сейчас не время выяснять отношения. Так они и последовали за ней — двое враждующих мужчин, объединённых общей бедой и чувством вины перед этой хрупкой, но несломленной девушкой.

Комната с порталом оказалась просторной, в два яруса. С потолка свисала огромная люстра с десятками свечей, заливая ярким светом весь второй этаж, где даже снизу виднелись ряды книжных шкафов — бесконечные тома в тяжёлых переплётах, хранящие мудрость веков. На первом ярусе вдоль стен горели свечи, а у дальней стены располагался камин, в котором уютно потрескивал огонь. Комната казалась слишком яркой, почти ослепительной после мрака и копоти горящего города. Мягкий пушистый ковёр под ногами казался чужеродным напоминанием о мирной жизни.

В самом углу стоял портал — арка из застывшей вулканической руды, чёрной и пористой, точно окаменевшая молния. Рядом на изящной подставке покоился камень, переливающийся всеми цветами радуги. Он пульсировал мягким, живым светом — катализатор и сердце портала, готовое в любой миг перенести их прочь из этого ада.

Армарос, войдя последним, вновь наложил заклятие на дверь и замер, переводя дыхание.

— Сейчас я активирую катализатор с помощью магии, и мы сможем уйти отсюда, — быстро проговорил волшебник, уже протягивая руки к мерцающему камню.

— А следом за нами никто не сможет последовать? — голос Гедриела звучал глухо, устало, почти безразлично. Силы покидали его с каждой минутой.

— Я пойду последним и в последний момент переполню камень магией. Он уничтожится, и портал станет неактивен. Настройка именно на этот мир займёт годы. Если не больше.

Армарос начал питать камень. Тот отозвался сразу — засиял ярче, разгоняя тени по углам, а в центре арки медленно, словно просыпаясь, начала проявляться синяя пелена. Она росла, наливалась светом, становясь плотной, зеркальной, точно застывшая вода, поставленная вертикально.

Снизу донёсся грохот взрыва. Первая дверь пала.

— Ты долго там будешь ещё возиться? — в голосе Гедриела вдруг прорезалась неожиданная бодрость. Адреналин ударил в голову, заглушая боль и усталость.

— Минута максимум. Эту дверь они так быстро не сломают — здесь заклинание другое, мощнее.

Маг сосредоточился на камне. За дверью уже слышался топот и крики — магия жгла ящеров, но от этого они становились лишь яростнее, с удвоенной силой бросаясь на преграду. Гедриел велел принцессе отойти подальше и встать ближе к волшебнику. Та подчинилась молча, не сводя глаз с двери. Доски уже начинали трещать.

И вдруг камень осветил всю комнату ослепительной вспышкой. Портал загудел низким, утробным звуком, от которого завибрировал пол и задрожали стёкла в окнах.

— Готово! Можем уходить. Принцесса, поднимайтесь, пойдёмте скорее! — Армарос протянул ей руку.

— Вы уверены, что всё готово и абсолютно безопасно? — спросила Виктория. Голос её был чужим: в нём не осталось ни прежней мягкости, ни страха — только сухая, безжизненная осторожность. Эта ночь меняла всех.

Договорить она не успела. Дверь вылетела с чудовищным треском, дубовые доски разлетелись по каменному полу. В проёме стоял огромный ящер — крупнее всех, что им встречались прежде, его бронированная туша едва протискивалась внутрь. Гедриел выругался сквозь зубы. Этого он даже не задержит.

Но снаружи вдруг раздался грохочущий, низкий рык — такой мощи, что стёкла в окнах лопнули и осыпались дождём осколков. Спустя мгновение коридор позади ящера провалился вниз. Камни, балки, доски — всё полетело в разные стороны, поднимая облака пыли. Армарос едва успел выставить магический барьер, прикрывая всех троих от града обломков.

Это был тот самый червь — гигантская тварь, которую они видели в небе. Похоже, стая грифонов всё-таки справилась с одним из них. И сейчас его падающая туша принесла им неожиданную, почти чудесную отсрочку.

— Раз вы уверены, Армарос, — сухо произнесла Виктория, поправляя остатки бурнуса, — то я пошла.

Не успела синяя пелена сомкнуться за спиной Виктории, как что-то огромное и тяжёлое рухнуло на крышу башни. Удар был такой силы, что балки над головой застонали, и сквозь каменную кладку побежали трещины. Сверху посыпались доски, каменная крошка, а затем и целые куски перекрытий. Потолок начал рушиться. Огромная люстра, ещё мгновение назад заливавшая комнату ярким светом, сорвалась с цепей и рухнула вниз. Свечи разлетелись по ковру, и тот занялся мгновенно — языки пламени жадно побежали по ворсу, пожирая дорожную ткань.

В проломе показался грифон. Он был мёртв. Его благородная голова безжизненно свесилась вниз, глаза остались открыты, и в них застыло небо, которое он уже никогда не увидит. Кровь, густая и тёмная, стекала с перьев и капала в огонь, шипя и испаряясь. Казалось, птица всё ещё смотрит на них.

— Надо срочно уходить! — крикнул Гедриел, стряхивая с себя каменную пыль.

Но Армарос вдруг схватил его за руку и рванул на себя с неожиданной для старика силой:

— Портал нестабилен! Он поменял цвет — видишь?! — маг указывал дрожащим пальцем на арку. Синяя пелена, только что спокойная и глубокая, теперь пульсировала тревожным багровым светом. От неё исходил низкий гул, и воздух вокруг дрожал. — Он должен быть синим! Синим, а не красным! Обломки с крыши повредили катализатор — смотри, камень треснул...

Гедриел подошёл ближе и увидел сам: небольшой осколок камня угодил прямо в радужный кристалл, и по его поверхности, словно паутина, разбежалась тонкая трещина. Камень мерцал неровно, с перебоями.

— Нельзя входить в такой портал! — Армарос почти кричал. — Неизвестно, куда мы попадём! И что с нами будет!

— Выбора у нас всё равно нет, — наёмник говорил спокойно, даже буднично. — И принцесса уже там.

Он разбежался. Два коротких шага — и Гедриел всем весом врезался в волшебника, обхватив его руками. Армарос не успел ни вскрикнуть, ни выставить барьер. Вдвоём они влетели в багровую пелену, и портал сомкнулся за ними с оглушительным треском. В тот же миг потолок рухнул окончательно, похоронив комнату под грудой камней.

Глава 2. Неизвестный мир.

Всё произошло в одно мгновение.

Гедриел и волшебник вывалились из портала и рухнули на землю, подмяв под себя густой ковёр жёлтой листвы. Армарос, кряхтя, сбросил наёмника с себя и вскочил на ноги, озираясь по сторонам с тревогой загнанного зверя.

Их окружал лес — густой, молчаливый, чужой. Деревья стояли слишком плотно друг к другу, точно стражи, сомкнувшие ряды, и хотя сейчас они были голыми, без листьев, это лишь усиливало гнетущее чувство. Чёрные ветви тянулись к небу, как костлявые пальцы, и сквозь них едва пробивался свет. Видимость портила пасмурная погода — а может, это сомкнутые кроны создавали такую иллюзию вечных сумерек. Под ногами шуршала листва, устилавшая землю сплошным золотисто-бурым ковром. И тишина. Ни пения птиц, ни шороха зверья — только ветер, да и тот словно боялся потревожить это место.

— Ты идиот! — голос Армароса взорвал тишину, разлетевшись эхом между стволов.

Гедриел, преодолевая боль, тяжело поднялся с земли, в два шага оказался рядом и, схватив мага за грудки, зажал ему рот ладонью.

— Не ори! — прошипел он, приблизив лицо почти вплотную. — Ты хочешь, чтобы все знали, что мы тут?! Мы понятия не имеем, где находимся, и надо найти принцессу. Поэтому давай — пока её не найдём — не будем попадать в неприятности.

Он разжал хватку и опустился на одно колено. Ткань на плече насквозь пропиталась кровью, и дыхание наёмника стало прерывистым, тяжёлым. Волшебник, взяв себя в руки, молча положил ладонь ему на голову.

— Ashtebh, — произнёс он негромко, и жёлтое сияние окутало его пальцы, пробежало по волосам Гедриела, затухая где-то в висках. — Это всё, чем я могу помочь. Рану не закроет, но хотя бы притупил твои нервные окончания. Боли будет куда меньше. Но надо торопиться — с такой раной ты долго не протянешь.

— Спасибо, — тихо выдохнул наёмник, поднимаясь.

— Бессмысленная благодарность. Надо найти тех, кто сможет помочь. Сядь и старайся как можно меньше двигаться. Я осмотрюсь и приведу помощь.

Армарос скрылся между деревьями, и его шаги быстро затихли вдали. Гедриел остался один.

Тишина леса давила на уши. Наёмник сидел, привалившись спиной к стволу, и мысли, одна страшнее другой, терзали его измученное сознание. Где принцесса? Почему она не здесь, не рядом с ними? Жива ли она? Портал выбросил их вместе с волшебником в одно место, а её — в другое? Или... Он не хотел додумывать. Но самое мерзкое — Армарос будто совершенно забыл о ней. Ни слова тревоги, ни вопроса. Может, он что-то знает?

Эти думы кружились в голове, путаясь и наслаиваясь друг на друга, и Гедриел не заметил, как веки налились свинцом, а звуки леса отступили куда-то далеко. Измученное тело взяло своё — он провалился в сон, даже не успев этому воспротивиться.

— Ну, снова спишь, соня? Вставай давай!

Голос был до жути знакомым — мягким, тёплым, обволакивающим, как летнее утро. Гедриел лежал в кровати, набитой сеном и укрытой стареньким, но чистым одеялом, и не хотел открывать глаза. Подушка, пахнувшая перьями и травами, держала его голову так бережно, как не держала уже много лет. Маленькое окошко позади пропускало ровно столько солнца, чтобы комната утопала в золотистом свете.

Он открыл глаза и увидел стройную женщину с короткими чёрными волосами. Солнечные лучи путались в её прядях, и от этого глаза отдавали зеленоватым оттенком, хотя он все-

гда знал: они у неё карие. Её руки были мокрыми, и она вытирала их холщовым полотенцем, слегка улыбаясь.

— Геди, давай вставай!

— Ма-а-ам, ну сейчас встану... дай поспать спокойно, — пробормотал он, натягивая одеяло до самого носа.

— Уже почти одиннадцать. Скоро твой отец вернётся. Давай, вставай и помоги мне. Ты уже большой, поэтому поднимайся и принеси мне, пожалуйста, с колодца ведро воды. Или иначе — всё расскажу папе.

Она улыбнулась — тепло, хитро — и вышла, оставив дверь приоткрытой. Гедриел нехотя поднялся и начал одеваться. Он знал, что мама никому ничего не расскажет, но проверять не хотелось. Отец был капитаном гвардии и временами бывал строг — относился к нему как к солдату, а не как к мальчишке. С мамой же всё было иначе. С ней можно было быть ребёнком.

Одевшись, он заглянул на кухню:

— Всё, я встал. Сейчас принесу тебе воды. А папа когда придёт?

— Сынок, ну откуда я знаю? — она месила тесто, не оборачиваясь. — Ты же знаешь: папа сейчас участвует в кампании по уничтожению виверн. Скоро эти чудовища перестанут нам досаждать, и я смогу спокойно заняться фермой.

Он вышел в прихожую, взял ведро и шагнул за порог. Дверь вела прямо на сельскую дорогу, что проходила параллельно дому. Слева, метрах в двухстах, темнел высокий деревянный часток с воротами, которые охраняла городская стража. Справа тянулась вся остальная деревушка. Перебежав дорогу, минуя телеги и лошадей, он вышел к пшеничному полю. Деревушка кормила себя сама: пшено шло в налог королевству, излишки — на продажу. Здесь люди всегда были сыты, всегда при деле. Она процветала.

У колодца Гедриел зацепил ведро на крючок, бросил его в тёмную глубину и, услышав глухой всплеск, начал поднимать. Обрато он шёл один — никто из друзей не попался навстречу. Сейчас было время турниров, которые проводились каждое лето. Кто-то выбирал деньги, кто-то титул, но эти соревнования того стоили. Он и сам мечтал хоть разок посмотреть на них. Но Лигвейн — его отец — всегда был увлечён службой, и мечты мальчишки оставались пока лишь мечтами.

Вернувшись, он отнёс воду матери, а сам ушёл на задний участок. Там стояло пугало, на котором отец тренировался и оттачивал удары. Гедриел всегда любил оружие. Он хотел так же быстро и ловко им орудовать, как Лигвейн, и часами наблюдал за его тренировками через окно, стараясь запомнить каждое движение. Когда отец однажды заметил, как его сын пытит, пытаясь поднять тяжёлый отцовский меч и ударить пугало, — он молча ушёл в дом, а на следующий день принёс ему деревянное оружие. И иногда учил сам.

Около часа он колотил пугало, пока не услышал голос матери:

— Пойдём ужинать.

В прихожей он оставил деревянный меч у порога и прошёл на кухню. Мама поставила перед ним тарелку с куриным рагу и столовые приборы.

— А папа ещё долго будет на службе? Я бы хотел поужинать вместе с ним.

— Не знаю, солнышко. Он должен был уже вернуться. Может, на работе что-то случилось...

Они начали ужинать. Через несколько минут в дверь постучали. Мать встала из-за стола, вытирая руки о передник, и направилась к выходу. Гедриел услышал, как она открыла дверь, и выглянул. На пороге стоял солдат — на его груди был вышит орёл, держащий стрелы в лапах, на красном фоне. Символ отряда отца.

Мать вышла наружу, притворив за собой дверь. Юный Гедриел не слышал разговора, но через минуту дверь снова открылась. Мать вошла — и, не сказав ни слова, прошла в свою комнату и закрылась. Он слышал, как она рыдает.

И в этот момент он проснулся.

Гедриел проснулся. На улице уже темнело — или ему казалось, что темнело, потому что небо затянуло плотной серой пеленой, сквозь которую не пробивалось ни луча. Волшебника не было до сих пор.

Он хотел подняться, но тело не слушалось. Словно кто-то выпил из него все силы, оставив только слабость, разлитую по костям свинцом. Пот заливал лицо, суставы ныли при малейшей попытке пошевелиться, а каждый вдох давался с трудом — воздух словно стал гуще и не хотел проникать в лёгкие. Держать глаза открытыми было всё тяжелее. Гедриел чувствовал, как из него уходит жизнь — не боль, а именно жизнь, тёплая и тягучая, будто по капле вытекающая сквозь повязку.

Вдалеке послышался стук копыт и скрип повозки. Спустя несколько минут между чёрных стволов заплясали огни — четыре факела приближались к нему. Драться он уже не мог. Да и не хотел. Хотелось просто закрыть глаза, уснуть и больше не просыпаться.

— Эй! Не смей мне здесь помирать!

Голос был знакомым. Армарос. Волшебник схватил его за руки и рывком поднял, заставляя сесть. Гедриел застонал, но сил возразить не нашёл.

— Помогите мне! — крикнул маг кому-то за спиной. — Надо срочно доставить его к вашей целительнице.

Его взяли четвером — крепкие руки подхватили под плечи и ноги, понесли к повозке. Гедриел успел увидеть свет факелов, мелькающий сквозь ветви, и снова провалился в темноту.

Очнулся от толчка. Повозка тронулась. Он лежал на чём-то мягком — кажется, на тюках с сеном, прикрытых грубой тканью. Рядом сидел Армарос и что-то говорил — не ему, кому-то ещё. Слов было не разобрать, голоса звучали приглушённо, словно сквозь толщу воды. Спать. Как же хочется спать.

Он просыпался ещё несколько раз. Маг приподнимал ему голову и вливал в рот какое-то зелье — горьковатое, обжигающее, с травяным послевкусием. После каждого глотка тело наливалось свинцом, и Гедриел снова засыпал, даже не успев задать вопрос.

Окончательно разбудила его тишина. Повозка остановилась. Армарос спрыгнул на землю и с чьей-то помощью взвалил наёмника себе на плечо. Старик оказался на удивление крепок. Гедриел то проваливался в беспамятство, то выныривал обратно, видел мелькающие стены какого-то здания, слышал шаги, голоса, скрип дверей.

В очередной раз он открыл глаза уже в комнате. Первое, что почувствовал — запах. Густой, пряный аромат трав, одновременно резкий и приятный, заполнял всё пространство. На стенах висели пучки сушёных растений — некоторые он узнавал, другие видел впервые. Тут же — ряды банок и склянок всех размеров, от крошечных пузырьков до массивных бутылей из тёмного стекла.

Комната была небольшой, но уютной. У стены потрескивал камин, и кровать стояла так близко к нему, что Гедриел чувствовал тепло, расходящееся по телу. Видимо, чтобы больной не мёрз. Хорошая мысль.

Он попытался приподняться и замер. Рядом стояла девушка в белых одеждах. От неё пахло совершенно иначе, чем от трав на стенах, — сладостями, какао, чем-то тёплым и домашним. Карие глаза смотрели внимательно и спокойно. Рыжие волосы, выбивающиеся из-под белого чепца, горели в свете камина, словно осенняя листва на закате. Её руки лежали на его плече и светились мягким зелёным светом. Боль отступала — медленно, нехотя, но отступала. А вот спать хотелось по-прежнему.

Когда Гедриел проснулся в следующий раз, в комнате никого не было. Во рту пересохло, хотелось пить — так сильно, что он готов был отдать всё за глоток воды. Попытался встать,

опершись на край кровати, но тело всё ещё было чужим. Поворачиваясь, он задел стул, на котором стоял железный таз. Стул с грохотом опрокинулся, таз покатился по полу.

Спустя полминуты дверь открылась. Вошла быстрым шагом, на ходу вытирая руки, та самая девушка в белом, с рыжими волосами. Ростом она была выше, чем можно было ожидать, — для девушки даже слишком. Карие глаза смотрели с лёгкой укоризной.

— Очнулся? — произнесла она, и голос её оказался ниже, чем ожидал Гедриел. — А я думала, ты ещё сутки проваляешься. Лежи. Сейчас принесу воды.

Как только она отвернулась, Гедриел попробовал встать. Резкая боль в плече отдалась с такой силой, что из горла невольно вырвался глухой стон.

— Что вы делаете? А ну-ка быстро ложитесь обратно! — Эльза обернулась мгновенно, и в её голосе не было ни капли робости. — Вам сейчас нельзя вставать. Я едва смогла магией затянуть ужасную рану у вас на плече. Если разойдётся — начнётся внутреннее кровотечение.

Она подняла упавший стул и таз. Таз поставила на комод, а стул вернула на место. Когда она подошла ближе к свету свечей, Гедриел наконец смог разглядеть её лицо. Милое, с зелёными глазами — не карими, как ему показалось в полубреду, а именно зелёными, цвета молодой листвы. Губы небольшие, но красиво очерченные. Она ему очень понравилась, и от этого стало немного не по себе: он вдруг поймал себя на том, что невольно готов её слушаться.

Эльза надавила ладонями на его плечи, заставляя лечь обратно, и заговорила уже спокойнее:

— Меня зовут Эльза. Я жрица в этой деревушке. Вам крупно повезло, что вас успели принести. Ещё бы немного — и вы были бы мертвы. Не знаю, что способно оставлять такие раны, но советую вам больше не попадаться под такие удары.

Она выпрямилась, одёрнула белое одеяние и направилась к двери.

— Я сейчас позову вашего друга.

Дверь закрылась за ней, но сквозь дерево ещё донёсся приглушённый голос Эльзы:

— Он пришёл в сознание. Но, пожалуйста, не утомляйте его долго разговорами. Он ещё слишком слаб.

Через мгновение дверь снова открылась. Вошёл Армарос — хмурый, осунувшийся. Видно было, что эти два дня дались ему нелегко. Он развернул стул, сел верхом, положив руки на спинку, и посмотрел наёмнику прямо в глаза.

— Я рад, что ты наконец-то оклемался. Ты проспал два дня. — Голос мага звучал спокойно, рассудительно, без привычной язвительности. — Пока ты спал, я успел кое-что разузнать. И сразу отвечу на твой вопрос: принцессу я ещё не нашёл. Но она точно здесь и жива. Поскольку с нами ничего не случилось, то и с ней тоже.

Армарос осёкся. Отвёл взгляд, что за ним водилось редко, и замолчал.

— Во-вторых... — начал он, и голос его вдруг дрогнул. — Я не знаю, что это за королевство. Точнее, знаю...

Он встал со стула, прошёлся до камина и обратно. Гедриел следил за ним, не перебивая. Волшебник всегда был сдержан, даже надменен, но сейчас перед наёмником сидел не высокомерный маг, а глубоко встревоженный старик.

— Армарос, — тихо позвал Гедриел.

Маг остановился и, глядя в стену, заговорил:

— Это не то королевство, с чьей королевой я разговаривал по порталной связи. Я помню историю этого мира. Я читал о нём. И если мне не изменяет память... — он тяжело опустился обратно на стул и наконец посмотрел наёмнику в глаза. В его взгляде читалась растерянность, почти страх. — Это королевство, которое развалится лет через пятнадцать.

Он замолчал, и тишина в комнате стала густой, осязаемой. Армарос сжал переносицу пальцами — жест, которого Гедриел не видел у него никогда.

— Я не понимаю, Гедриел, — прошептал маг. — Я не понимаю, как мы сюда попали и почему здесь, а не там. Всё, что я знал о порталах, всё, чему учился десятки лет... этого не должно было случиться. Гедриел дёрнулся на кровати:

— Ты так спокойно говоришь, что не нашёл принцессу?! После потерянного королевства надо искать нового короля, наплевав на старого?!

Ярость ударила в голову, и он тут же поплатился за это: плечо пронзила такая боль, что в глазах потемнело. Наёмник зашипел сквозь зубы, откидываясь на подушку.

— Успокойся! — Армарос вскинул ладонь. — Никто никого не предаёт и не ищет нового короля. Я настраивал этот портал и знаю принцип его работы. Раз мы здесь, то принцесса могла появиться в радиусе не дальше пятидесяти километров. Так что не трать силы на пустую ярость.

Гедриел глубоко вдохнул, заставляя себя успокоиться. В словах мага был резон.

— Надеюсь, ты говоришь правду. Тогда другой вопрос. Ты сказал, что это королевство существовало пятнадцать лет назад. Отсюда сразу два: как такое возможно? И второе — если мы вернёмся обратно, то попадём на пятнадцать лет назад и сможем спасти королевство от того чудовища?

Наёмник был поражён. Мысль о том, что они не просто в другом месте, а в другом времени, поражала воображение настолько, что он на время забыл о ране, о боли, о слабости — только смотрел на мага и ждал ответа.

— Отвечая на первый вопрос, — заговорил Армарос, и голос его звучал глухо, словно он всё ещё не мог поверить в собственные слова, — это, видимо, как-то связано с повреждённым кристаллом. Когда в него попал тот обломок с крыши, он треснул. Камень не выдержал, и портал... повёл себя непредсказуемо. Думаю, именно из-за него произошла такая аномалия — мы не только в другом мире, но и в другом времени.

Он потёр виски, собираясь с мыслями.

— Что касается второго вопроса — да, это вполне возможно. Если мы найдём способ вернуться в Траену, то теоретически можем попасть на пятнадцать лет назад. Но проблема в том, что здесь, в этом месте, сейчас нет такого портала. А у нас... у нас его тоже не было пятнадцать лет назад.

— Тогда хоть расскажи, где мы сейчас находимся и кто тогда на нас напал. Может, местные знают?

Наёмнику хотелось узнать хоть что-то. Он устал ходить слепым котёнком, тыкаясь в стены. Всю жизнь он привык знать врага в лицо, просчитывать каждый шаг на несколько ходов вперёд, и эта неизвестность раздражала его сильнее, чем боль в плече. Он чувствовал себя беспомощным — а это было состояние, которого Гедриел ненавидел больше всего.

Но разговору не суждено было продолжиться. Дверь приоткрылась, и в комнату вошла Эльза. Она ничего не сказала — лишь посмотрела на Армароса тем спокойным, уверенным взглядом, который не терпит возражений. Одно этого взгляда хватило, чтобы маг осёкся на полуслове, кивнул каким-то своим мыслям и поднялся со стула. Эльза мягко, но непреклонно выпроводила его за дверь.

В руках она держала небольшой пузырёк из тёмного стекла, внутри которого плескалась мутная жидкость.

— Не волнуйтесь, — произнесла она, подходя ближе. В свете последней свечи её зелёные глаза казались почти изумрудными. — После этого снадобья уже завтра встанете на ноги. Но если хотите лежать бревном в этой кровати ещё долго — можете не пить и позвать своего друга обратно.

Гедриел усмехнулся про себя. Выбор был очевиден. Лежать ему и правда надоело — до скрежета зубовного. Лучше быстрее прийти в форму и разобраться, что здесь происходит: где

принцесса, куда они попали и можно ли отсюда вернуться. Он взял кружку, в которую она налила снадобье, и выпил всё одним глотком.

И тут же пожалел.

Вкус оказался омерзительным — такого он не пробовал даже в юности, когда был начинающим воином и пил за гроши любую дрянь, лишь бы забыться после первой крови. Та дешёвая бормотень была цветочным нектаром по сравнению с этим пойлом. К горлу подступила тошнота, желудок сжался в спазме, но Гедриел сдержался — сжал зубы и переждал, пока позывы отступят.

Когда приступы прекратились, на смену им пришла тяжёлая, вязкая сонливость. Веки налились свинцом, тело обмякло, и комната поплыла перед глазами. Последнее, что он видел — Эльза, стоящая у свечи. Она наклонилась и задула пламя, и в тот же миг её силуэт растворился в темноте. Дверь открылась и тихо закрылась, погружая комнату в полный мрак.

— Геди, подойди, пожалуйста, — позвала его мать из соседней комнаты.

Голос её звучал глухо и слабо, как ветер, что едва шевелит занавеску перед грозой.

— Да, мам.

Он подошёл к её кровати. Она лежала, укрытая старым одеялом по самый подбородок, и казалась почти прозрачной в тусклом свете из окна. Лицо осунулось, под глазами залегли тёмные круги, а дыхание то и дело прерывалось сухим, надсадным кашлем.

— Ты прости, что в твой день рождения не могу тебя нормально поздравить, — проговорила она медленно, с трудом выталкивая каждое слово.

— Мам, перестань, не нужно мне никакого дня рождения. Лучше пойду тебе лекарства куплю.

Он старался говорить бодро, но голос предательски дрогнул. Она посмотрела на него — тем особенным взглядом, которым матери смотрят в самое сердце, туда, куда не добраться ни одному лекарю.

— Я вижу, ты по нему до сих пор скучаешь, сынок. Пять лет прошло. Папа уже не вернётся. Ты большой мальчик, ты должен это понять.

Она взяла его ладонь своей — сухой, горячей, почти невесомой рукой.

— Ничего я по нему не скучаю, — отрезал Гедриел. — Он любил свою службу больше, чем нас.

Он всегда злился, когда речь заходила о Лигвейне. Злился, потому что не мог иначе. Накинул куртку, взял деньги с полки и вышел, не оборачиваясь. Уже за дверью подумал: «Вечно мама про него вспоминает. Сама забыть не может, вот и болеет. Никак не могу ей достучаться, чтобы забыла о нём».

Он не знал тогда, что через несколько часов будет отдавать всё на свете, лишь бы она снова заговорила об отце.

Улица встретила его привычным шумом. За пять лет их деревня выросла до города: победа над вивернами обезопасила крестьян, и те, кто раньше боялся высунуть нос за частокол, теперь распахивали поля и строились. Дорога, которую он помнил двумя полосами жидкой грязи, теперь была вымощена камнем. Домов стало больше, и заблудиться в переулках сделалось куда легче. Пройдя мимо свинофермы, от которой разило на весь квартал, он вышел на главную площадь.

Рынок кипел. Толпа гудела, переливалась, торговалась. Гедриел решил не пробираться через это людское море и пошёл обходным путём, за палатками. Обрывки разговоров долетали до него: кто-то возмущался ценой, кто-то кричал, что это грабёж — столько требовать за простую ткань. Он не вслушивался.

Травник жил на краю площади. Когда-то в деревне не было своего лекаря, и им с матерью приходилось ездить за лекарствами в соседний город. Теперь — своя лавка, с колоколь-

чиками на двери и запахом сушёных трав, въевшимся в деревянные стены. Гедриел поднялся на крыльцо и толкнул дверь.

Колокольчики звякнули. Из задней комнаты вышел лекарь — пожилой, с вечно прищуренными глазами и руками в пятнах от настоек.

— Гедриел, здравствуй. Твоей матери стало лучше?

Он знал его в лицо. Трудно не запомнить парня, который каждый месяц приходит за новым лекарством.

— Пока без изменений, — ответил Гедриел. Голос прозвучал ровно, но внутри что-то сжалось. — Надеюсь, пойдёт на поправку.

Лекарь помолчал, перебирая склянки на полке.

— Твоей матери нужны не лекарства, Гедриел. Ей нужно лекарство для души. Но, прости, такого у меня нет.

— Не переживайте, это не ваша вина. Просто дайте как обычно.

Ей стало хуже сразу после смерти отца. Пять лет Гедриел перепробовал всё: лекарства, лекарей, настойки, травы — пока деньги, оставшиеся от отцовского жалования, не кончились. Остались только медяки, которые он зарабатывал на полях и продажей овощей с материнской фермы. Другого способа быть рядом с ней и приносить хоть что-то в дом у него не было.

— Держи, с тебя пятнадцать медников.

Гедриел отсчитал монеты, взял мешочек с лекарством и вышел. Пятнадцать медников — большие деньги для него сейчас. Но он не думал об этом. Он думал о том, что после работы, когда сил не остаётся даже стоять, он всё равно идёт к тому самому чучелу на заднем дворе, где когда-то тренировался отец. И бьёт. И бьёт. И бьёт — пока руки не нальются свинцом.

Спускаясь с крыльца, он почти налетел на троих. Раньше они дружили. Теперь — нет.

— О, смотрите, кто тут у нас! — протянул Вайрен, старший из троих. — Сыночек того, чей отец загубил сотни жизней!

Никто не знал, как было бы лучше. Отец отдал приказ добить королеву виверн без поддержки, и она пала. Война закончилась. Но вместе с ней полегли тысячи солдат, и семьи погибших нашли виноватого. Лигвейн был мёртв и не мог ответить. За него отвечали его жена и сын.

— Отвали, Вайрен. У меня сейчас нет времени с тобой разговаривать.

Гедриел буркнул это и попытался пройти мимо, но троих сомкнулась плотнее.

— Я смотрю, ты в себя поверил, выскочка тупого капитана...

Он не успел договорить. Кулак Гедриела врезался ему в нос с тошнотворным хрустом, и Вайрен рухнул на землю, зажимая лицо. Двое других, закатав рукава, двинулись на него.

Первый удар — слева. Гедриел подставил левое предплечье, принял удар на жёсткий блок, а затем захватил руку противника под локоть. Резкое движение — колено в живот, и тут же ребром ладони в гортань. Нападавший отшатнулся, упал на спину и засипел, держась за горло.

Второй в этот момент заходил справа. Гедриел успел увернуться, ушёл вниз и пробил короткий, злой удар в печень. Противник согнулся пополам — и тогда наёмник схватил его обеими руками за волосы и с силой впечатал лицом в собственное колено. Тот рухнул без сознания.

Вокруг уже собралась толпа. Зеваки глазели с тем особенным удовольствием, с каким простой люд смотрит на уличные драки. Сквозь гомон протолкался стражник.

— Что тут у нас происходит?!

Он оценил сцену быстро: трое на земле, один на ногах.

— Они сами нарывались, — спокойно ответил Гедриел. — Я просто защищался.

Стражник вздохнул, узнав его:

— Снова ты. Пойдём, малец, немного поговорим.

Он взял Гедриела под руку и вывел из толпы. Когда они отошли на безопасное расстояние, стражник заговорил тише:

— Послушай, я понимаю: после того последнего сражения тебя недолюбливают из-за отца. Но если ты продолжишь так всех бить, то они будут тебя недолюбливать ещё больше.

— Дядя Варенс, сколько бы я ни пробовал по-хорошему, выходит всегда так. Так хотя бы меньше затрат времени.

Варенс покачал головой. Он знал парня с детства, дружил с Лигвейном и не мог смотреть на сына друга без тяжёлого чувства в груди.

— Слушай, Гедриел. Я хорошо знал твоего отца и дружил с ним. Поэтому я не могу позволить, чтобы ты в один день попал в тюрьму из-за того, что убил кого-то случайно. Вступай в ряды к нам. Доведём твоё хобби фехтования до совершенства, и задирать тебя никто не будет. Сам знаешь: нападать на представителей закона чревато петлёй.

— Дядя Варенс, вы прекрасно знаете, что у меня больная мать. Я не могу. Я бы давно к вам присоединился.

Он развернулся и пошёл домой. Всю дорогу мысли крутились в голове тяжёлым, горьким колесом. Как несправедливо всё вышло. Отец погиб, как и весь его отряд, но они убили королеву виверн и закончили бойню. А семьи погибших винили именно его. И эту вину переложили на плечи его матери. Она не выдержала этой ноши — и теперь угасала день за днём, а он ничем не мог помочь.

Он и не заметил, как пришёл. Знакомая дверь, знакомое крыльцо. Отворил.

— Мам, я дома!

Тишина. Такая тишина, от которой внутри всё оборвалось.

Он быстрым шагом прошёл в её комнату и замер на пороге. Она лежала на кровати и тяжело, с присвистом дышала. Гедриел бросился к ней, взял за руку, и она повернула голову. Её глаза — когда-то живые, карие — теперь были как зеркало: пустые, отражающие лишь свет из окна. Она пыталась что-то сказать, но слова едва слышно выдавливались из пересохших губ.

Он наклонился ближе, почти прижался ухом к её рту. И тогда услышал — едва различимый, но ясный шёпот:

— Гедриел... живи... не смей умирать...

Голова её упала набок. Рука, которую он держал, вдруг стала тяжёлой и обмякла.

Она умерла.

Он остался один.

— Раньше мне такие сны не снились, — размышлял он про себя, глядя в дощатый потолок. — Почему эти события приснились сейчас, когда я неизвестно где?

Ответа не было. Только тишина, далёкий крик петуха и тёплый луч солнца, упрямо пробивавшийся сквозь ветхую занавеску.

Гедриел проснулся окончательно и сразу почувствовал разницу. Плечо ещё побаливало — глухо, терпимо, — но теперь он хотя бы ощущал своё тело. Жар спал, слабость отступила, и это было сродни чуду. Он медленно, осторожно сел, облокотившись на левую руку, и спустил ноги с кровати. Половицы приятно охладили босые ступни.

На комодке его ждало снаряжение — аккуратно сложенное, будто кто-то специально позаботился. Рядом стоял глиняный бутыль с водой. Гедриел схватил его и осушил до дна в несколько жадных глотков. Вода была холодной, колодезной — лучшего вкуса он не помнил за всю жизнь.

Одевался он медленно, прислушиваясь к телу. Рана в плече ещё давала о себе знать, но, стиснув зубы, можно было терпеть. Штаны, рубаха, перевязь, сапоги — каждый предмет ложился на место, и вместе с ними возвращалось что-то ещё. Чувство контроля. Привычная тяжесть стали на поясе.

Он толкнул дверь и вышел наружу. Солнечный свет ударил в глаза — яркий, ослепительный, совершенно непохожий на тусклое марево, что сочилось сквозь занавеску. Слева, над лесом, только поднималось солнце, а справа стеной стоял тот самый чёрный лес, в котором они появились. Теперь, при свете дня, он выглядел ещё более чужим — слишком высоким, слишком плотным, слишком молчаливым.

Проморгавшись, Гедриел наконец разглядел деревню. Домик целительницы стоял на небольшом холме, в самом конце единственной улицы, и отсюда весь посёлок был как на ладони. Дорога, укатанная телегами, проходила ровно посередине. Слева от неё возвышалось здание поприличнее прочих — не то деревенский совет, не то дом старейшины. Чуть дальше — коровник с покосившейся крышей, ещё дальше — конюшня.

— Наконец-то ты очнулся!

Голос был знакомым — звонкий, с лёгкой насмешкой. Эльза стояла у крыльца соседнего дома и смотрела на него, прикрывая глаза от солнца. В лучах утреннего света её волосы горели ярким оранжевым пламенем, и Гедриел на мгновение замер. В комнате, при свечах, она казалась просто милой. Здесь, под открытым небом, она была ослепительной.

— А в этом снаряжении, когда не помираешь, ты даже очень ничего! — рассмеялась она громко, заразительно, ничуть не смущаясь. — Как себя чувствуешь? Я вижу, мой отвар помог?

— Да, спасибо, — ответил он, с трудом отводя взгляд. — Мне уже и правда намного лучше. А где мой престарелый друг?

— Кого ты назвал престарелым?

Голос раздался сбоку. Гедриел повернул голову и увидел мужчину — на вид чуть за тридцать, широкоплечего, с аккуратно подстриженной бородой и посохом в руке. Одет он был в ту же мантию, что и Армарос, но выглядел совершенно иначе: ни морщин, ни седины, ни старческой сутулости.

— Ты ещё кто такой, мать твою? — наёмник отступил на шаг, и правая рука сама легла на рукоять меча. — Мне и так хватает приключений за последнюю неделю!

— Эльза, я его пока заберу у тебя, — спокойно произнёс мужчина и по-хозяйски развернулся. — Иди за мной. Я всё объясню.

Гедриел перевёл взгляд на Эльзу. Та лишь пожала плечами, и в её зелёных глазах блеснул огонёк — кажется, она знала больше, чем говорила. Наёмник вздохнул и, преодолевая боль в плече, зашагал следом за незнакомцем. Сегодняшний день обещал быть не менее странным, чем все предыдущие.

— Значит, даже своего друга не узнаёшь, пусть он немного и изменился? — маг шёл уверенно, и походка его будто стала другой: твёрже, прямее, без прежней старческой осторожности. — Ладно. Ответ для тупых: я Армарос.

Гедриел сбился с шага. Уставился в спину идущего впереди мужчины, пытаясь сопоставить то, что видит, с тем, что помнил. Голос — тот же. Интонации — те же. Но лицо, фигура, движения...

— А что случилось? — наконец выдавил он, и в голосе его прорезалась та самая язвительность, которую маг ненавидел больше всего. — Ведь седина и возраст — это показатель потрясающего мага. И волшебника. И вообще всех, кто умеет крутить палочкой и посохом.

— Я смотрю, тебе стало лучше, раз проснулись вновь твои тупые шуточки, — Армарос даже не обернулся, но Гедриел заметил, как дёрнулся уголок его губ. — Пока ты отлеживался...

Маг вдруг осёкся. Сделал ещё несколько шагов и остановился. Когда он заговорил снова, голос его звучал глуше, без привычного высокомерия:

— Знаешь... Спасибо. Я тебе так и не сказал до сих пор. Ты тогда прикрыл меня собой. От того рыцаря.

Повисла пауза. Гедриел не ожидал такого поворота. Армарос, который никогда не благодарил, который скорее подавился бы собственной гордостью, чем признал чью-то заслугу, — стоял и говорил ему «спасибо». Наёмник кашлянул, отвёл взгляд.

— Мне плевать на твою благодарность, — сухо ответил он. — Я всё равно не доверяю тебе. Тот рыцарь знал тебя.

Он уже готов был снова взорваться от гнева, но что-то остановило его. Может, этот дурацкий прямой взгляд помолодевшего мага. Может, понимание, что сейчас он снова услышит то же, что слышал до этого. Гедриел выдохнул и махнул рукой:

— Ладно, давай рассказывай. К чему эта прогулка вокруг деревни? Явно не в любви мне собрался признаваться за спасение.

— Ты можешь хоть секунду прожить без своих идиотских шуток и язвы в мою сторону? — Армарос начинал злиться, но тут же взял себя в руки. Он остановился, развернулся к наёмнику лицом, и взгляд его стал серьёзным. — Я позвал тебя поговорить не просто так. Я кое-что узнал. В том числе — от Эльзы.

Он сделал паузу, и Гедриел вдруг понял, что маг не просто важничает. Он тянет время. Собирается с мыслями.

— Говори уже, — тихо сказал наёмник. — Что ты узнал?

Армарос посмотрел на лес, на деревню, на солнце, поднимающееся над чёрными кронами, и вздохнул. То, что он собирался сказать, явно не сулило ничего хорошего.

— В общем, я узнал от Эльзы, что в этом королевстве магия является высшим преступлением. Любое её проявление или даже просто наличие потенциала — это смертная казнь. Поэтому мне пришлось отбросить свои принципы и с помощью магии омолодить себя.

Гедриел уставился на него. Пару секунд он молча переваривал услышанное, а затем коротко хохотнул:

— А-а-а, то есть ты хочешь сказать, что старец с тростью — это подозрительно, а вот молодой мужик с той же тростью — ну вообще ни разу, ни хера не заметно? Ты сейчас серьёзно?

Ему вдруг стало смешно — по-настоящему, до лёгкого головокружения. Абсурд происходящего наконец прорвал плотину усталости и боли.

— Так! — Армарос вскинул руку, и посох его сердито стукнул о землю. — Я, может быть, хромаю. Ходить с посохом и вызывать меньше доверия — это одно. А ходить быстро и при этом быть старцем — вызывает больше подозрений!

— Так не ходи быстро, будучи старцем. Проблем-то?

Маг замер. Глаза его сузились, и Гедриел уже знал этот взгляд — сейчас последует что-то колкое.

— Гедриел, ты мне правда надоел, — процедил Армарос. — Скажу прямо, без твоих комментариев. По поводу принцессы: я кое-что в округе узнал. Тут говорят о бароне, который держит всю эту округу в страхе. Его солдаты творят что хотят, за любое проявление магии — казнь. Но ещё говорят, что буквально несколько дней назад у барона появилась гостья. Молодая девушка. И по описанию она очень похожа на Викторию.

Армарос сделал короткую паузу, давая наёмнику время переварить.

— Поэтому надо собраться с силами — как минимум тебе — и идти на разведку. А теперь я отправляюсь отрабатывать наш долг перед целительницей: сделаю для неё снадобья. Если ты, конечно, чувствуешь себя хорошо, то тоже можешь мне помочь.

— Я не умею делать снадобья, — Гедриел скривился. — Или ты с молодой внешностью стал глупее?

Армарос вздохнул — тяжело, обречённо, как вздыхает учитель над безнадёжным учеником.

— С твоими умениями конская моча будет полезнее, чем снадобья от тебя. Но ты мог бы наколоть дрова. Это и будет твоя помощь. А теперь я ушёл. Ждать тебя не буду.

Он развернулся и зашагал в сторону деревни — молодой, уверенный, с посохом в руке и прежней ворчливостью в голосе. Гедриел остался один. Отыскал взглядом старый пенёк на опушке, сел и задумался.

Принцесса жива. Барон. Солдаты творят что хотят. Магия — смертный приговор. И где-то в пятнадцати годах отсюда — их родной мир, который ещё можно спасти.

Слишком много всего. Слишком быстро.

Он поднял голову к небу. Где-то за чёрным лесом, невидимое отсюда, всходило солнце. Гедриел вдруг подумал о том, что Армарос, даже помолодев, остался тем же вредным стариканом. И от этой мысли стало почему-то теплее.

Он усмехнулся своим мыслям, поднялся с пня и, размяв плечо, направился к деревне. Дрова — так дрова. Лишь бы руки были заняты. Лишь бы голова не лопнула от всего, что на неё свалилось.

Направившись в сторону деревни, он вышел на утоптанную тропу. Свежий ветер приятно охлаждал кожу, под ногами шуршали опавшие листья, и на короткое мгновение Гедриелу показалось, что мир вокруг — почти нормальный. Почти живой. Почти не враг.

— Эй, ты! А ну стоять!

Голос был незнакомый — грубый, с ленцой, какой бывает у людей, привыкших к безнаказанности. Наёмник обернулся. В двадцати шагах от него стояли трое. Солдаты. Форма — чёрная, с одинаковым логотипом на груди: паук с крестом на брюхе. Шлемы, мечи — всё почти как в Траене, только эмблема чужая. А поведение — точно такое же, как у солдатни в любом мире: наглое, хозяйское.

— А что случилось? — спокойно спросил Гедриел. — Ходить нельзя?

Солдаты подошли вразвалочку и встали так, что оказалось — полукругом, отрезая путь к деревне. Один из них, видимо старший, кивнул на меч Гедриела:

— Откуда идёшь такой нарядный?

— От бабушки, блядь, иду. А вам какое дело?

Наёмник начинал закипать. Эти трое уже действовали ему на нервы — своей манерой, своими взглядами, тем, как они переглядывались, предвкушая лёгкую добычу.

— Самый дерзкий, что ли? — старший шагнул ближе. — Вообще-то, постановлением короля носить оружие теперь имеют право дворяне или солдаты. А по твоей эмблеме на груди вообще подозревается, что ты либо шпион, либо вражеский солдат, который заблудился. Потому что я тебя здесь никогда не видел.

— Я тебя тоже здесь никогда не видел. И что теперь?

— Не, ну ты смотри какой отважный. Значит, тебе жизнь не дорога. А могли бы договориться.

Один из солдат схватился за меч. И в ту же секунду инстинкты Гедриела сработали быстрее мысли. Рывок — рукоять в ладони — шаг вперёд — взмах. Солдат даже не успел удивиться. Он упал на колени, а затем голова его отделилась от плеч и скатилась к ногам второго, который только-только успел выхватить меч. На этом его достижения и закончились: клинок наёмника пробил ему сердце насквозь, и тело рухнуло на землю с глухим стуком.

Третий успел. Он зашёл сбоку и нанёс удар — быстрый, опасный, на грани. Гедриел поставил блок, но металл, встретившись с металлом, отдался острой болью в раненое плечо. Рука дрогнула. Наёмник отступил на шаг, споткнулся о корень и рухнул на спину. Солдат уже нависал над ним, занося меч для последнего удара, и в глазах его читалась победа.

Гедриел вскинул левую руку. С пальцев сорвалась молния — ослепительная, бело-голубая, с оглушительным треском. Вспышка озарила лес, тропу, лица тех, кто бежал на крик. Солдат закричал — пронзительно, жутко, на несколько сотен метров вокруг. И рухнул замертво. Его тело ещё дымилось.

Гедриел опустил руку и с ужасом посмотрел на неё. Левая кисть до запястья покрылась чернотой — будто сажа въелась в кожу, но глубже, страшнее.

На крик и вспышку сбежались люди. Первым примчался Армарос — он растолкал зевак, ворвался в круг и замер, глядя на три трупа, на чёрную руку наёмника, на дым, ещё поднимающийся над телом последнего солдата. За его спиной показалась Эльза, а за ней — местные крестьяне, которые смотрели на Гедриела с ужасом и благоговейным страхом. Кто-то в толпе прошептал:

— Колдун...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.